

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Для цитирования: Дятел Е. П. Критерии научной достоверности и способы повышения эвристического потенциала экономической теории // Журнал экономической теории. — 2019. — Т. 16. — № 3. — С. 513-527

doi 10.31063/2073-6517/2019.16-3.18

УДК 330.101

JEL B14, B15, B24, B41, D46

КРИТЕРИИ НАУЧНОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ И СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭВРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ¹

Е. П. Дятел

Целью статьи являются верификация и фальсификация базовых положений трудовой теории стоимости К. Маркса. Это необходимо для установления границ их научной достоверности и путей интеграции в современное экономическое мышление. Требуют своего переосмысления: двойственный характер труда; особенности его реализации в потребительной и меновой стоимости товара; экономическая природа денег; закономерности воспроизводства и функционирования товара рабочая сила. Например, естественная, и в этом смысле единообразная мера и для потребительных стоимостей (в штуках, тоннах, аршинах), и для труда (в затратах рабочей силы в физиологическом смысле слова), не может быть использована для верификации общественной формы потребительной стоимости и общественного характера труда. Подобное расхождение между естественно осязаемой материальной основой исследуемых феноменов и социально-экономической формой их реализации прослеживается и в других базовых категориях «Капитала». Предлагается авторская интерпретация исследуемого контента. Делается вывод, что его фальсифицируемость выступает условием верификации и предпосылкой повышения эвристического потенциала экономической теории К. Маркса.

Ключевые слова: К. Маркс, К. Поппер, экономическая теория, верификация и фальсификация, научный статус, современное экономическое мышление

Введение

В год 200-летия со дня рождения К. Маркса опубликовано значительное число работ, посвященных различным аспектам его творчества (см.: Бочко, 2018; Курц, 2018; Лавров, Пономарева, 2018; Хубиев, Текеева, 2018; Черешнев, Иваницкий, 2018). Большинство публикаций представляет интерес для исследователей и для широкого круга читателей, хотя преждевременно говорить о том, что были получены принципиально новые результаты. Оглядываясь на проделанную работу, можно подытожить, что самым важным оказалось:

1) возможность заочно пообщаться с создателем «Капитала», а также его и нашими современниками, обращавшимися к этому производству;

2) на примере 150-летней истории «Капитала» обсудить критерии научности результатов экономико-теоретических исследований;

3) составить представление о границах истинности экономической теории марксизма и перспективах ее дальнейшего плодотворного использования.

Новаторский вклад К. Маркса в теорию и методологию экономического исследования

В Предисловии к первому изданию «Капитала» К. Маркс писал: «...конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества» (Маркс, Энгельс, Т. 23. С. 10). «Его научная цена», по мнению молодого российского экономиста И.И. Кауфмана, «заключается в выяснении тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и замещение его другим, высшим» (цит. по: Маркс, Энгельс, Т. 23. С. 21). Схожую оценку вклада К. Маркса в теорию и методологию экономической науки многократно давали Ф. Энгельс (Маркс, Энгельс, Т. 16. С. 215), В.И. Ленин (Т. 26.

¹ © Дятел Е. П. Текст. 2019.

С. 43–81) и многие другие исследователи. Соответствующее или близкое к этому понимание формируется у любого заинтересованного читателя, для которого экономическая теория марксизма является частью научного мировоззрения. Но поскольку система научного знания становится все более емкой и многообразной, постольку предполагается постоянное переосмысление как ее базовых положений, так и критериев их научности.

В современной литературе в качестве таких критериев обычно упоминаются *верификация* и *фальсификация* научной теории. Под верификацией понимается подтверждение теоретических положений эмпирическими фактами, в том числе практическими результатами человеческой деятельности. Верификация не является *ultima ratio* (окончательным аргументом). Она сталкивается с проблемой индукции.

Напомним суть данной проблемы. В исходном пункте любой теории лежат эмпирически обнаруживаемые факты, сравнение которых позволяет сформулировать родовой и видовой признаки явлений, а значит, подвести под них все исследуемые объекты. В этом состоит объясняющая сила индукции, в этом же кроется ограниченность ее предсказательной способности. «Ни одно универсальное утверждение не может быть логически строго выведено или окончательно установлено из сколь угодно большого числа частных утверждений, но любое универсальное утверждение может быть логически опровергнуто одним-единственным частным утверждением с помощью дедуктивной логики. ... сколько бы раз мы не видели белых лебедей, это не дает нам права утверждать, что все лебеди — белые, однако достаточно один раз увидеть черного лебедя, чтобы опровергнуть данное утверждение» (Блауг, 2004. С. 57; см. также: Поппер, 1983. С. 46–47).

Восхождение от абстрактного к конкретному в экономической теории

Верификация, как вершина индуктивного доказательства, не тождественна восхождению от абстрактного к конкретному — генеральному методу Марксова исследования экономической жизни общества. У Маркса развертывание системы экономических категорий происходит на основе усвоения конкретного, «представляющего собой переработку созерцания и представления в понятия» (Маркс, Энгельс, Т. 46. Ч. 1. С. 37–38). Внешне это похоже на частичную, или неполную, индукцию, когда определенное количество конкретных фактов подтверждает индуктивный вывод. Но

внешнее сходство не учитывает специфику восхождения от конкретного к абстрактному в истории экономической мысли, представленного в «Теориях прибавочной стоимости» (Маркс, Энгельс, Т. 26. Ч. 1, 2, 3; см. также: Т. 13. С. 1–167). В контексте нашего рассмотрения мы могли бы назвать это восхождение *логической индукцией*¹.

Индукция (*inductio*) суть представление множества фактов в какой-либо общей форме, или способ умозаключения, посредством которого общее доказывают на основании того, что известно частное. Назовем этот случай простой, или *эмпирической*, индукцией². В ней восхождение от конкретных, засвидетельствованных органами чувств, фактов к абстрактным понятиям происходит в определенных, четко сформулированных еще Аристотелем формах: «Общее следует выводить через приведение (*epagoge*) сходных единичных случаев» (Аристотель, 1984. Т. 2. С. 371). В случае с логической индукцией мы обобщаем не эмпирические данные, а понятия-представления³.

¹ Под термином «индуктивная логика» ее сторонники понимали всю теорию знания за исключением математики. П. Л. Лавров в предисловии к российскому изданию «Системы логики» Дж. С. Милля указывает, что «Милль решил построить теорию знания; но его оригинальность заключалась в том, что он понял неточность исключительного прославления метода наведения. Он убедился, что во всех науках наведение и вывод сплетаются между собою, поддерживая друг друга ... в сущности логика одна, а вывод и наведение лишь ее орудия» (1865. С. XX, XXII). С этой точки зрения «логическая индукция» может рассматриваться как один из аспектов целостной системы логики.

² Понятия логической и эмпирической индукции мы используем для более точного выражения специфики нашего исследования. Вопросы индуктивной логики гораздо шире и глубже представлены и разработаны в специальной литературе. Например, вслед за Дж. С. Миллем, выделяются: 1. Индукция методом отбора; 2. Индукция методом исключения, а также методы научной индукции: (1) метод сходства, (2) метод различия, (3) соединенный метод сходства и различия, (4) метод сопутствующих изменений, (5) метод остатков (см: Кириллов, Старченко, 1999. § 3. Научная индукция).

³ По нашему мнению, использование данного термина, имеющего двоякую экзистенциально-универсальную природу, позволяет обойти запрет перехода от «индивидуальных» имен к «универсальным»: «Точно так же обречена на провал любая попытка определить универсальные имена с помощью индивидуальных имен. Этот факт часто упускают из виду, и широко распространено мнение о том, что с помощью процесса, называемого «абстракцией», можно от индивидуальных понятий подняться к универсальным понятиям. Это мнение тесно связано с индуктивной логикой, с характерным для нее переходом от сингулярных высказываний к универсальным. С точки зрения логики такие процедуры одинаково невыполнимы»

Результатом становится *система теоретических понятий*, каждое из которых находится в логической взаимосвязи с предыдущими.

Предшественником К. Маркса в деле изучения закономерностей теоретического мышления был Гегель. Предметом его исследования стала история и логика развития наиболее общих (философских) категорий (см.: Гегель, 1974). Любой человек обучается на основе перцептивного восприятия окружающей действительности. Процесс обучения и самообучения близок к тому, что мы назвали эмпирической индукцией. Она становится возможной, поскольку индивид обладает элементами абстрактного мышления, которые представляют собой результат исторического развития общественного сознания. Продукт последнего неоднороден. Он нуждается в систематизации, а его усвоение предполагает выделение категориальных ступенек, которыми мы восходим к теоретическому пониманию действительности.

Первой такой ступенькой, по мнению Гегеля, является бытие. Но человеческое сознание не ограничивается простой констатацией существования эмпирически воспринимаемых объектов. При помощи органов чувств, вспомогательных инструментов, навыков абстрактного мышления мы фиксируем их различные свойства, объемы, местоположение и т. д. Эта информация получает свое воплощение в виде сохраняемых в устной или письменной форме знаний, в том числе «философских» категорий: качество, количество, мера; а также созданных людьми материальных орудий и предметов обихода.

Следующий этап начинается с изучения совокупности имеющихся эмпирических сведений, которые характеризуют свойства объектов. На основе их анализа можно определить недоступную прямому наблюдению сущность исследуемых феноменов¹. Ее познание позволяет воспроизвести предмет или явление, освободившись от второстепенных элементов, т. е. создать «вещь», максимально пригодную для практического использования. Это может

(Поппер, 1983. С. 91). Однако у К. Поппера встречаются другие высказывания: «лучше считать это развитие к теориям все более высокого уровня универсальности «квази-индуктивным» (Там же. С. 223).

¹ М. Блауг, ссылаясь на К. Поппера, резко критично относится к методологическому эссенциализму — поиску «сущности» рассматриваемых явлений (Блауг, 2004. С. 185–186). Но у К. Поппера есть утверждение, с которым мы солидаризуемся: «науке как человеческой целенаправленной деятельности (или методу) можно приписать некоторую «сущность», даже если при этом отрицать наличие сущности у природных объектов» (Поппер, 1983. С. 303).

быть модель, понятие или система понятий, материальный продукт трудовой деятельности людей. Данная ступень предстает у Гегеля как явление — единство сущности и бытия. И, наконец, *действительность* — единство явления и сущности². Отсюда гегелевские этапы восхождения от абстрактного к конкретному: *бытие — сущность — явление — действительность*.

Прослеженное К. Марксом восхождение от конкретного к абстрактному в истории экономической мысли оказалось обратным по своей структуре выявленному Гегелем развитию философского мышления. В «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркс рассмотрел, как из нерасчлененного представления об общественном устройстве у Т. Гоббса и Дж. Локка (*действительность*) вычленилась экономическая материя: вначале в вещной форме — у меркантилистов это деньги и товарное богатство (*явление*); затем определения труда у А. Смита как субстанции стоимости (*сущность*); и, наконец, *бытия* стоимости как относительных затрат труда на производство товара (Д. Рикардо) (см.: Дятел, 1987. С. 48–69). Этот подход оправдан: реальный процесс развития должен отразиться в накоплении научных данных таким образом, чтобы его ключевые этапы были зафиксированы сначала исторически, а затем логически в рамках сформировавшейся категориальной системы. Как писал Гегель: «наука в целом есть в самом себе круговорот, в котором первое становится также последним, а последнее — также первым» (1970, Т. 1. С. 128).

Теперь становится возможным построение целостной системы экономических категорий на основе восхождения от абстрактного к конкретному: во-первых, товарной формы хозяйства, во-вторых, капиталистического способа производства.

На рисунке 1 зафиксирована последовательность рассмотрения экономических категорий во всех четырех параграфах первой главы первого тома «Капитала». По горизонтали отобра-

² «Действительность есть ставшее непосредственным единством сущности и существования, или внутреннего и внешнего» (Гегель, 1974. С. 312). Нам представляется необходимой конкретизация подобных умозаключений. В курсе лекций студентам института урбанистики УралГАХА автор использовал следующую иллюстрацию: «Стоит задача перестроить здание. Результаты его эмпирического наблюдения и описания составляют бытие. Мы создаем чертеж, отражающий существенные черты объекта. При реконструкции подбираются необходимые материалы, оборудование и т. п. Это — явление. Здание должно вписаться в городскую среду, которая вместе с остальными сооружениями, дорогами, коммуникациями, прочими элементами инфраструктуры составляет действительность».

<i>Полезность вообще</i>	<i>Потребительная стоимость</i>	<i>Меновая стоимость</i>	<i>Общественная потребительная стоимость (товар)</i>
			<i>Овеществленный труд</i>
<i>Труд вообще</i>	<i>Конкретный труд</i>	<i>Абстрактный труд (общественный характер труда)</i>	<i>Общественно необходимый (частный) труд</i>
<i>Простой средний труд</i>			
<i>Простая, или случайная, форма стоимости</i>	<i>Полная форма стоимости</i>	<i>Всеобщая форма стоимости</i>	<i>Денежная форма</i>
			<i>Товарный фетишизм</i>
<i>Планомерная форма хозяйства</i>	<i>Натуральная форма хозяйства</i>	<i>Товарная форма хозяйства</i>	<i>«Объективные мыслительные формы»</i>

Рис. 1. Система экономических категорий «политической экономии товарного производства» (закавыченное выражение принадлежит Ф. Энгельсу (Маркс, Энгельс, Т. 20. С. 320))

жена «аристотелевская» диалектика понятий (родовой признак — материя — форма — единство формы и содержания). По вертикали находит выражение гегелевская структура процесса познания через категории: бытие — сущность — явление — действительность. Переход от одного уровня к другому опосредуют конструкты, выражающие единство бытия и сущности (овеществленный труд), сущности и явления (простой средний труд), явления и действительности (товарный фетишизм).

Последовательное разворачивание системы экономических категорий сопровождается усвоением конкретного, а следовательно, происходит верификация экономической теории марксизма. И хотя для убежденных марксистов, казалось бы, не возникает с этим трудностей: *стоимость* суть затраты общественно необходимого труда, *прибавочная стоимость* — неоплаченный труд наемных работников и т. д., здесь, с учетом специфики экономических категорий в научном наследии К. Маркса, дела обстоят не так просто. Выделенные курсивом сущностные понятия предполагают их объективацию в эмпирически воспринимаемых вещах или явлениях. Но у К. Маркса процесс абстрагирования не совпадает с приведением сходных единичных случаев к общему понятию (эмпирическая индукция), а представляет собой логическую индукцию, направленную на фиксацию социально-экономической формы исследуемых явлений, которая в целях научного исследования как бы отщепляется от чувственно воспринимаемой материальной основы. Исследуя стоимость как базовое производственное отношение товарной формы хозяйства, К. Маркс пишет: «Однако материализацию и т. д. труда не следует понимать так по-шотландски, как ее понимает А. Смит. Если

мы говорим о товаре как о материализованном выражении труда — в смысле меновой стоимости товара, — то речь идет только о воображаемом, т. е. исключительно социальном способе существования товара, не имеющем ничего общего с его телесной реальностью...» (Маркс, Энгельс, Т. 26. Ч. 1. С. 154). Конечно, приведенное выше определение меновой стоимости товара не составляет окончательный вердикт по проблеме взаимосвязи социально-экономической формы и ее непосредственно воспринимаемого человеческими органами чувств материального носителя. И, как нам представляется, эмпирически наглядная верификация абстрактных экономических категорий становится возможной лишь при использовании внешне противоположного метода — фальсификации базовых положений экономической теории марксизма.

Фальсифицируемость — критерий научности и предпосылка дальнейшего развития экономической теории

По мнению К. Поппера, «критерием научного статуса теории является ее фальсифицируемость, опровержимость, или: проверяемость» (1983. С. 245). Ссылаясь на Эйнштейна, он говорит: «эмпирическую науку можно охарактеризовать следующим образом: в той степени, в которой научное высказывание говорит о реальности, оно должно быть фальсифицируемо, а в той степени, в которой оно не фальсифицируемо, оно не говорит о реальности» (Поппер, 1983. С. 239)¹. Естественным является вопрос, насколько этот критерий применим к

¹ «Теория, не опровержимая никаким мыслимым событием, является ненаучной. Неопровержимость представляет собой не достоинство теории (как часто думают), а ее порок» (Поппер, 1983. С. 245).

экономической теории, или, по-другому: насколько политическая экономия является эмпирической наукой?

Рассмотрим критерий фальсифицируемости применительно к современной экономической теории. Общеизвестной датой ее возникновения считается маргиналистская революция 70-х годов XIX в., а методологические принципы, которые отличают ее от классической политической экономии, это методологический индивидуализм, статический и равновесный подход, экономическая рациональность, предельный анализ (История экономических учений..., 2009. С. 178–179). Некоторые из этих ключевых принципов в последующем были пересмотрены Дж. М. Кейнсом (2007), представителями эволюционной и поведенческой экономики (Нельсон, Уинтер, 2002; Саймон, 2000). Признанный основатель неoinституционализма Рональд Коуз однажды назвал неоклассику «экономической теорией классной доски» (Коуз, 1993. С. 20–21). Это не означало отрицания современной экономической теории как научной и образовательной дисциплины¹. Речь шла о верификации, которая органично превращалась в фальсификацию ключевых положений указанной теории. Р. Коуз пишет: «Потребитель предстает не как человек, а как согласованный набор предпочтений. Фирма для экономиста, как сказал Слейтер, „по существу являет собой кривую спроса и кривую предложения, а вся теория сводится к логике оптимального выбора цены и комбинации затрат”. Обмен происходит вне каких-либо институциональных рамок. Мы получили потребителей, не имеющих и следов принадлежности к роду людскому, и фирмы, не знающие, что такое организация и даже обмен, осуществляемый вне рынков. Созданный экономической теорией рациональный максимизатор полезности ничем не напоминает обычного человека, трясущегося в городском автобусе, и вообще никакого мужчину (или женщину) ни в каком автобусе» (Коуз, 1993. С. 6). Не менее остро критикуют «базисную понятийную схему, которую предлагает ортодоксия для интерпретации экономического поведения», основатели эволюционной экономики Ричард Н. Нельсон и Сидней Дж. Уинтер, считая «эту схему лишней обузой, которая серьезно затруднит прогресс теории в долгосрочной перспективе» (2002. С. 24). Однако они

¹ «Экономическая теория классной доски», несомненно, требует незаурядных интеллектуальных способностей и может быть полезна при обучении экономистов...» (Коуз, 1993. С. 21).

обещают, что «фундаментальная реконструкция в отстаиваемом нами направлении сформирует плацдарм для крупного продвижения в понимании экономических изменений и в то же время позволит сохранить и упрочить большую часть имеющихся на сегодняшний день значительных достижений науки» (Там же). Таким образом ни эволюционная, ни новая институциональная экономика не покушаются на научные основы неоклассики, признавая ее де факто и де юре методологической и теоретической предпосылкой своего становления и развития². Такое же отношение, синтезирующее позиции верификационизма и фальсификационизма, должно применяться к достижениям марксистской политической экономии.

Проблема эмпирической верификации и опыт фальсификации базовых экономических категорий в «Капитале» К. Маркса

Обращаясь к проблеме фальсифицируемости экономической теории К. Маркса, нельзя пройти мимо замечания К. Поппера о принципиальной непроверяемости подобных теорий, сближающей их с примитивными мифами³. Поэтому мы считаем необходимым и возможным осуществить вначале процедуру фальсификации — не экономической теории К. Маркса в целом — она не получила в его трудах окончательного завершения, а ее базовых положений, которые, действительно, приобретают мифологическую окраску при некритическом восприятии многими сторонниками и последователями марксизма.

² Как удачно сказал другой основатель неoinституционализма Дуглас Норт, «чистая неоклассическая экономическая модель» дает прекрасный фон, на котором удобно сравнивать теорию с реальным экономическим процессом (1997. С. 14).

³ «Что ошибочного в марксизме, психоанализе и индивидуальной психологии?», «Почему они так отличаются от физических теорий, например от теории Ньютона и в особенности от теории относительности? ... я чувствовал, что эти три другие теории, хотя и выражены в научной форме, на самом деле имеют больше общего с примитивными мифами, чем с наукой, что они в большей степени напоминают астрологию, чем астрономию. Я обнаружил, что те из моих друзей, которые были поклонниками Маркса, Фрейда, Адлера, находились под впечатлением некоторых моментов, общих для этих теорий, в частности под впечатлением их явной объяснительной силы. Казалось, эти теории способны объяснить практически все, что происходило в той области, которую они описывали. Изучение любой из них как будто бы приводило к полному духовному перерождению или к откровению, раскрывающему наши глаза на новые истины, скрытые от непосвященных» (Поппер, 1983. С. 242).

Фальсифицирующая процедура подобного рода проводилась рядом исследователей, среди которых упомянем В.А. Петухова, проанализировавшего мифологема «постоянного капитала». Отличительным свойством последнего является то, что он в якобы неизменном виде переносит свою стоимость на готовый продукт. Автор цитируемой работы, сохраняя в целом свою приверженность трудовой теории стоимости, пишет: «Эволюция взглядов Маркса как зрелого экономиста состояла в том, что он стал делать некоторые выводы в пользу того, что источником прибыли может быть и постоянный капитал (станки, оборудование и т. д.), и тем самым сделал шаг в сторону широко распространенного анализа факторов производства. Вполне возможно, что вышеуказанное противоречие послужило важной причиной того, что Маркс последние 10 лет своей жизни фактически не работал над «Капиталом» даже в рукописях» («Капитал» Карла Маркса..., 2019. С. 135–136).

Мы вынуждены согласиться с тем, что К. Маркс не мог завершить «Капитал» вплоть до полной верификации (и фальсификации!) созданной им системы экономических категорий. И, хотя прошел немалый срок со дня выхода в свет первого тома «Капитала», одним из непреодоленных до конца препятствий и по сей день является проблема эмпирической наблюдаемости «исключительно социального способа существования товара, не имеющего ничего общего с его телесной реальностью». Что же касается «постоянного капитала», то его обоснование опирается на предшествующий анализ конкретного и абстрактного труда, потребительной и меновой стоимости товара, и ряда других основополагающих понятий трудовой теории стоимости, к которым мы и намерены перейти.

В «Экономических рукописях 1857–1859 годов» К. Маркс указывает, что, начиная с А. Смита, субстанция стоимости предстает как труд вообще. Встает задача верификации «простейшей абстракции, которую современная политическая экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее отношение, имеющее силу для всех форм общества» (Маркс, Энгельс, Т. 46. Ч. 1. С. 40–41). Для понимания того, как это происходило в творческой лаборатории К. Маркса, обратимся к экономической рукописи: «Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства» (Маркс, Энгельс, Т. 49). В ней он пишет: «сведение товара к „труду“ у всех предшествующих экономистов двусмысленно и неполно.

Недостаточно свести товар к „труду“, необходимо свести его к труду в двоякой форме, в которой он, с одной стороны, как *конкретный труд*, выражается в *потребительной стоимости товара*, а с другой стороны, как *общественно необходимый труд*, учитывается в *меновая стоимость»* (Т. 49. С. 50).

Здесь делается шаг к разделению естественно осязаемой материальной основы и социально-экономической формы. В «Капитале» эти взаимосвязанные противоположности предстают как конкретный труд и абстрактный труд. Мы согласны, что обоснование двойственного характера труда составляет «первое великое открытие» К. Маркса (Афанасьев, 1980)¹. Но встает вопрос, почему этот выдающийся научный результат не был воспринят дальнейшим развитием экономической науки, отдавшей предпочтение неоклассической трактовке альтернативной ценности продукта?

Обращаясь к представленным в «Капитале» аутентичным определениям, начнем с *потребительной стоимости*, которая «находится вне круга вопросов, рассматриваемых политической экономией. ... Непосредственно потребительная стоимость есть вещественная основа, в которой выражается определенное экономическое отношение, меновая стоимость» (Маркс, Энгельс, Т. 13. С. 14). Обратим внимание на способ измерения потребительных стоимостей: «Соответственно своим естественным особенностям различные потребительные стоимости имеют различные меры: например, шэффель пшеницы, стопа бумаги, аршин холста и т. д.» (Там же). Исчисление осуществляется путем установления средних для данного рода вещей количественных пропорций. Общественный характер потребительной стоимости остается за скобками, или, если быть более точным, он рассматривается как атрибут товара: «Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость» (Маркс, Энгельс,

¹ В письме к Ф. Энгельсу от 24 августа 1867 г., сразу же после завершения подготовки к опубликованию I тома «Капитала», К. Маркс писал: «Самое лучшее в моей книге: 1) подчеркнутый уже в первой главе двойственный характер труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости (на этом основывается все понимание фактов); 2) исследование прибавочной стоимости независимо от ее особых форм: прибыли, процента, земельной ренты и т. д.» (1963. Т. 31. С. 277).

Т. 23. С. 49). При желании в этом можно увидеть шаг к тому, как осуществляется измерение экономических благ в неоклассике. Однако он выводит нас за пределы марксистской политической экономии.

Один из первых представителей неоклассики Дж. Б. Кларк рассматривает товар как «пучок различных полезностей»¹. Ценность блага определяется степенью конечной полезности, которую присваивает индивид или группа людей: «Лишь одна из полезностей, образующая данный товар, представляет часть предельной единицы потребительского богатства того или иного человека. Прочие полезности этого предмета находятся внутри пределов. ... и для данного потребителя не имеют значения при определении цены предмета» (Кларк, 2019. С. 111). Во второй половине XX века похожие идеи отстаивались Кельвином Дж. Ланкастером (Lancaster, 1971) и его сторонниками. Нам данный подход кажется понятным и оправданным. Труд, как целесообразная, формообразующая деятельность человека, независимо от того, где он реализуется — в сфере производства, обмена и распределения, или непосредственного потребления, является источником потребительных свойств (конечных полезностей) экономических благ.

В *меново́й стоимости* находит свое выражение общественно необходимый труд. Завершая рассмотрение потребительных стоимостей, Маркс пишет: «в свою очередь сами эти жизненные средства суть продукты общественной жизни, результат затраченной человеческой жизненной силы — овеществленный труд. Как материализация общественного труда, все товары суть кристаллизация одного и того же единства. Теперь необходимо рассмотреть определенный характер этого единства, т. е. труда, который представлен в меновой стоимости» (Маркс, Энгельс, Т. 23. С. 15). Оно (единство) определяется апостериори: «Этот труд имеет лишь значение как кратная часть совокупного труда, приходящегося на него и оцененного идеально» (Маркс, Энгельс, Т. 49. С. 10). Такой «бухгалтерский» подход ставит проблему измерения средних издержек: «труд, затраченный на отдельный товар ..., который выравнивается и оценивается как средний труд многих работающих сообща индивидов — совершенно невозможно исчислить» (Там же), но «как рабо-

чее время, труд получает свой масштаб в естественных мерах времени, часах, днях, неделях и т. д.» (Маркс, Энгельс, Т. 13. С. 16). Теперь установлена естественная и в этом смысле единообразная мера: а) для потребительных стоимостей (в шеффелях, стопах, аршинах) и б) для труда (в астрономических единицах времени). Однако, по нашему мнению, *она не может быть использована для верификации общественной формы потребительной стоимости и общественного характера труда*.

Этот вопрос носит принципиальный характер. Человек пользуется возникшими в ходе биологической эволюции органами чувств, которые не способны непосредственно воспринимать гравитацию, космическое излучение и многие другие природные феномены. Наличие таких явлений и процессов обнаруживается путем наблюдения за внешними предметами: падающим с дерева «ньютонским» яблоком, полярным сиянием, мутациями животных и т. п. Все это — информационные сигналы, которые могут быть использованы для построения физических, биологических и иных теорий. Но можем ли мы утверждать, что вышесказанное относится также к экономическим и иным общественным отношениям?

Конечно, изменение формы, местоположения и других свойств вещи может свидетельствовать о наличии и развитии таких производственных отношений, как разделение и кооперация труда. Но, если ограничиться подобными наблюдениями, трудно провести различие между специализацией биологических особей в муравейнике или пчелином улье и общественно обусловленными функциями работника мануфактуры или заводского конвейера. Необходимо провести разграничение между естественнонаучной и социально-экономической информацией.

Информация — атрибут материи, неотделимый от других ее фундаментальных свойств: вещества и энергии, а возможно, пространства и времени. Благодаря им она может приобретать наглядное выражение, которое человек изучает непосредственно или с помощью приборов. Что касается социальных явлений, они недоступны органам чувств, которые принадлежат предшествующей, биологической форме движения материи². Должны быть выработаны, и на самом деле возникли, специфические но-

¹ «Большинство товаров оказывают несколько различных видов услуг одновременно. Предмет этого вида следует рассматривать как пучок различных полезностей, связанных вместе путем воплощения в общем материальном предмете» (Кларк, 2019. С. 111).

² В предисловии к первому изданию первого тома «Капитала» К. Маркс пишет: «при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции» (Маркс, Энгельс, Т. 23. С. 6).

сители социально-экономической информации. Из ее многообразия выделим ценовую информацию как важнейшую характеристику рыночной экономики¹.

Обратимся к одному из основополагающих произведений неоклассики «Элементы чистой политической экономии» Леона Вальраса (Вальрас, 2000; Walras, 1874). При построении системы уравнений общего экономического равновесия он, а вслед за ним и другие представители неоклассики, исходят из того, что вся необходимая информация заключена в ценах. Это не противоречит трудовой теории стоимости, но встает задача — найти эмпирически наглядный носитель экономической информации. У Маркса вещественным носителем меновой стоимости являются потребительные стоимости. Их измерение, соответственно «естественным особенностям», делает такие относительные цены несопоставимыми (см.: Маркс, Энгельс, Т. 23. С. 57). Утрачивается их роль универсального информационного сигнала о протекающих на рынках экономических процессах и явлениях.

В поисках адекватной общественной единицы измерения К. Маркс обращается к затратам *простого среднего труда*, который «различен в разных странах и в разные эпохи культуры, однако он выступает как нечто данное в каждом существующем обществе» (Маркс, Энгельс, Т. 13. С. 17). Для его верификации в рабочем времени используется добыча драгоценных металлов, особенно россыпного золота: «Само же это рабочее время зависит от их относительной естественной редкости, как и от большей или меньшей трудности, которую представляет получение их в виде чистого металла. Золото было в сущности первым металлом, который открыл человек. С одной стороны, сама природа представляет его в самородной кристаллической форме; с другой стороны, сама природа берет на себя большую технологическую работу, промывая золото в реках. Таким образом, от человека требуется только самый простой труд ...» (Маркс, Энгельс, Т. 13. С. 137–138).

В приводимом К. Марксом примере скрыт глубокий смысл. Золото — уникальный товар, обладающий непосредственной меновой, или всеобщей, потребительной стоимостью. В нем воплощены все упоминаемые Дж. Б. Кларком «предельные единицы потребительского бо-

гатства» для любого хозяйственного субъекта рыночной экономики. Другой вопрос, насколько подобные (предельные) затраты являются простым средним трудом, выступающим «как нечто данное в каждом существующем обществе». Опыт социалистического использования ЕТС (единой тарифной сетки) нам не кажется убедительным. Он не позволяет верифицировать тезис о затратах абстрактного труда в качестве субстанции меновой стоимости.

Обосновывая последний, К. Маркс говорит: «Человек в процессе производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы вещества» (Маркс, Энгельс, Т. 23. С. 51–52). Но, как и «сама природа», человек меняет формы вещества (энергии и др.) в процессе своей физиологической деятельности. Если это положение перенести на трудовую деятельность, мы, действительно, получаем предельно абстрактное определение труда как «расходования человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова» (Там же, Т. 23. С. 55). В этом случае изменение формы вещества, абстрагированное от воплощенных в нем общественных (альтернативных) целей, превращает потребительную стоимость в синоним ее природнообусловленной, в том или ином отношении полезной для человека, вещи. Мерой производства потребительной стоимости (полезности продукта, измеренной в натуральных единицах: штуках, тоннах, аршинах и т. д.) выступает абстрактный труд (затрата рабочей силы в физиологическом смысле слова). И, наоборот, конкретный труд получает общественное значение как источник меновой стоимости, под которой понимается альтернативная ценность продукта: «20 аршин холста стоят одного сюртука».

Следует заметить, что неоклассика не отказывается от определяющей роли труда в формировании альтернативной ценности экономических благ. Концептуальное выражение эта позиция нашла в работе Л. Роббинса «Предмет экономической науки», который пишет: «Экономическая наука — это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» (Роббинс, 1993. С. 18). Экономическое поведение индивида означает целесообразную деятельность по созданию, нахождению, применению экономических благ, количественно и качественно превосходящих все, что может быть получено в результате природных процессов и явлений. Ключевой ресурс, которым обладает любой человек, — его

¹ О соотношении материального и идеального в марксистском понимании стоимости см.: Ильенков, 2009; Рокмор, 2015.

время, которое он может потратить на труд или отдых (Там же. С. 16). С позиций марксизма такого рода экономическая деятельность может быть охарактеризована понятием «конкретный труд», общественный характер которого совпадает с поиском альтернативных («косвенных») способов применения как самого труда, так и всех остальных ограниченных ресурсов. И, хотя это умозаключение расходится с приводимым в «Капитале» высказыванием о «природной» роли человека в процессе производства, нельзя не заметить, что последняя выпадает из контекста не только историко-материалистического учения К. Маркса и Ф. Энгельса (Маркс, Энгельс, Т. 3. С. 18–19), но и их «идеалистического» предшественника Г. В.Ф. Гегеля. Напомним, что, по Гегелю, человек воплощает свою осознанную деятельность в орудиях и средствах труда: «...*средство выше, чем конечные цели внешней* целесообразности; плуг нечто более достойное, нежели непосредственно те выгоды, которые доставляются им и служат целями. *Орудие* сохраняется, между тем как непосредственные выгоды преходящи и забываются. Посредством своих орудий человек властвует над внешней природой, хотя по своим целям он скорее подчинен ей» (Гегель, 1970. С. 200).

С точки зрения неоклассики — представителей австрийской школы, а также упомянутых выше Дж. Б. Кларка и К. Ланкастера, эти цели косвенным образом реализуются во всей совокупности средств общественной жизнедеятельности, включая средства обмена и предметы потребления. Отметим, что в «Немецкой идеологии», представляющей важный этап формирования историко-материалистического мировоззрения, К. Маркс и Ф. Энгельс пишут: «Способ, каким люди производят необходимые им средства к жизни, зависит прежде всего от свойств самих этих средств, находящихся ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению. Этот способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В ещё большей степени, это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляют собой индивиды — это зависит, следовательно, от материальных условий их производства»

(Маркс, Энгельс, Т. 3. С. 19). Исходя из этого высказывания, мы не можем согласиться с тем, что абстрактный труд представляет собой субстанцию меновой стоимости. Как сила природы (затраты рабочей силы в физиологическом смысле слова) он ничем не отличается от других материальных условий производства. Данный вывод не равнозначен опровержению научного статуса теории К. Маркса. Фальсифицируемость позволяет осуществить преобразование ее категориального аппарата, что, по нашему мнению, увеличивает эвристический потенциал марксистской трудовой теории стоимости. С учетом этих «неоклассических» поправок базовые понятия трудовой теории стоимости приобретают несколько иной вид (см. рис. 2).

Сравним эти понятия с базовыми категориями неоклассики (рис. 3).

Возможна дальнейшая неоклассическая интерпретация рассматриваемых нами экономических категорий. При этом дисконт, утрата содержания понятий марксистской трудовой теории стоимости, обусловленная различием парадигм классической политической экономии и современной экономической науки, невелика. Например, труд вообще предполагает выбор из «весьма развитой совокупности действительных видов труда» (Маркс, Энгельс, Т. 46. Ч. 1. С. 41). Общественная потребительная стоимость идентична экономическому благу; конкретный труд равнозначен альтернативному использованию ресурсов; в меновой стоимости реализуется экономическая потребность, представляющая собой мотив к целесообразному («трудовому») поиску альтернативных вариантов удовлетворения возрастающих потребностей.

В принципиальном уточнении нуждаются конструкты: *овеществленный труд* и *экономический принцип*.

В нашем представлении овеществленный труд содержит экономическую информацию, которая, в соответствии с приведенным выше примером добычи россыпного золота, выражает материализованную субстанцию стоимости товаров («простой средний труд»). Отсюда всего один шаг к пониманию денег как носителя экономической информации. Анализируя процесс обмена, К. Маркс пишет: «создается иллюзия, будто бы вещь, в которой выражается величина стоимости другой вещи, обладает своей эквивалентной формой независимо от этого отношения товаров, обладает ею как неким от природы присущим ей общественным свойством. ... Эти вещи — золото и серебро — в

Полезность вообще	Потребительная стоимость (полезность продукта, измеренная в натуральных единицах)	Меновая стоимость (альтернативная ценность продукта)	Общественная потребительная стоимость (товар)
			Овеществленный труд
Труд вообще	Абстрактный труд (затраты труда в физиологическом смысле слова)	Конкретный труд (общественный характер труда)	Общественно необходимый (частный) труд

Рис. 2. Базовые понятия трудовой теории стоимости (в интерпретации автора)

Потребность	Благо	Экономическая потребность	Экономическое благо
			Экономический принцип
Выбор	Ограниченность ресурсов (в исходном пункте — рабочего времени)	Альтернативное использование ресурсов (экономический выбор)	Реальный доход (чистая выгода)

Источники: Аристотель. *Никомахова этика; Политика* (1984. Т. 4); Менгер К. *Основания политической экономии* (1992); Нуреев Р.М. *Курс микроэкономики* (2011); Роббинс Л. *Предмет экономической науки* (1993)

Рис. 3. Базовые понятия экономической теории (неоклассика)

том самом виде, как они выходят из недр земных, вместе с тем оказываются непосредственным воплощением всякого человеческого труда» (Маркс, Энгельс, Т. 23. С. 102). К. Маркс указывает, что это приводит к фетишизации денег: «Таким образом, загадка денежного фетиша есть лишь ставшая видимой, слепящая взор загадка товарного фетиша» (Там же. С. 103). Ну, а поскольку товарный фетишизм порождает «общественно значимые, следовательно объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства — товарного производства» (Там же. С. 86), постольку, как нам кажется, возможно решение противоречия между «эволюционной теорией» возникновения денег в «Капитале» К. Маркса и современными взглядами на «создание» денег государством (см.: Humphrey, 1985. Р. 48–72; Буторина, 2016. С. 124–135; Дубянский, 2015. С. 109–125). Право феодала на чеканку монеты порождается не эволюцией форм стоимости, а возникающими институтами власти, которые, в свою очередь, немислимы без политических и юридических «объективных мыслительных форм». Происходит монетизация золота и возникает первичный финансовый актив, который, безусловно, не тождествен овеществленным затратам «абстрактного» труда, рассматриваемым в физиологическом смысле слова, но который выражает капитализацию создаваемых конкретным трудом альтернативных полезностей (ценностей). И, если это так, то можно поставить знак равенства между деньгами, под

которыми мы понимаем овеществленную экономическую информацию, и экономическим принципом, понимаемым как выражение капитализации «овеществленного труда» в максимальном полезном доходе (при заданных затратах) или в минимальных затратах (при заданной полезности).

Эвристический потенциал экономической теории К. Маркса

Свое рассмотрение мы начали с констатации поставленной К. Марксом конечной цели — открытия «экономического закона движения современного общества». *Causa finalis* (конечная причина) обуславливает применяемый метод исследования и его инструментарий: методологические принципы диалектического и исторического материализма и систему экономических категорий «Капитала». Результатом стал «абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления» (Маркс, Энгельс, Т. 23. С. 659). Но, так как на сегодняшний день даже убежденные марксисты не находят эмпирических подтверждений действия этого закона, встает вопрос о верификации — наличии подтверждающих частных случаев, и фальсификации, определяющей границы его применимости.

Нами высказывалась мысль, что реалии капиталистического развития в конце XVIII — начале XIX вв. не позволяли игнорировать продуктовую («зерновую») стоимость труда наемного работника, обосновываемую в трудах А. Смита, Т. Мальтуса, Д. Рикардо. Ими она выводилась из естественных законов, ограни-

чивающих рост народонаселения наличием необходимых жизненных средств, увеличение которых стимулировало прирост наемных работников в объемах, превышающих потребности производства (Дятел, 2018. С. 719). К. Маркс интерпретировал эту тенденцию как сугубо общественное явление, в данном случае с позиций классового подхода, находившего свое выражение в законе производства и присвоения прибавочной стоимости.

Для обоснования производства прибавочной стоимости была использована категория абстрактного труда. Предполагалось, что наемная рабочая сила может потребляться в больших объемах, чем требуется средств для физиологического воссоздания самого индивида и его семьи. Если отказаться от мысли о более высокой эффективности обусловленного законами природы физиологического воспроизводства рабочей силы по сравнению с ее последующим расходом на капиталистической фабрике, то следует сделать вывод об абсолютном (а не только относительном) обнищании пролетариата¹. Последнее грозит тенденцией к его полному исчезновению. Не случайно многие марксисты, включая Розу Люксембург, считали невозможным существование «чистого капитализма» вне питательной среды окружающего мелкотоварного и полунатурального хозяйства. Этот, фальсифицирующий, вывод поставил под сомнение применимость экономической теории марксизма к странам развитого капитализма, а тем более к эпохе постиндустриального общества.

По нашему мнению, сегодня на первый план выходит замысел К. Маркса о «критике политической экономии» с позиций примата социально-экономической формы хозяйственных (и не только) процессов производства и воспроизводства всей человеческой жизнедеятельности. Остановимся на этом вопросе более подробно.

В аристотелевской диалектике форма, преобразующая материю, отображает целесообразное устройство мира. Для индивида такой целью является благо (потребительная стоимость), которое присваивается человеком пу-

тем преобразования «материи»². Диалектика Гегеля выводит на первый план овеществление идеального в орудиях и иных предметных средствах достижения целей общественной жизнедеятельности. В.И. Ленин, конспектируя «Науку логики», выделяет гегелевское «в своих орудиях человек обладает властью над внешней природой, тогда как в своих целях он скорее подчинен ей», и оценивает эту мысль как «зачатки исторического материализма у Гегеля» (Ленин, Т. 29. С. 171–172). С этим, конечно же, следует согласиться, не забывая, что у К. Маркса общественные цели производства реализуются посредством материальных производственных отношений — экономического базиса общественной жизни.

В понимании производственных отношений, как экономической формы увеличения богатства общества («богатства народов»), обнаруживается точка соприкосновения между экономическими взглядами А. Смита и К. Маркса. Расхождения возникают в трактовке движущих сил экономического развития. Ключевым для А. Смита являлось представление о невидимой руке рынка, направляющей самокорыстные действия индивидов к достижению общественного блага. Выгоду получит любой homo oeconomicus (термин появился позже), который действует по принципу: «ты мне, я тебе». К. Маркс первостепенное значение в формировании общественных целей производства в «экономической общественной формации» (Маркс, Энгельс, Т. 23. С. 10) придавал классовой структуре общества, обусловленной частной собственностью на средства производства.

Внешне это расхождение не выглядит столь значительным. В рыночной экономике обмениваться могут частные собственники, следовательно, примат отношений собственности признают оба автора. Различие состоит в том, что у А. Смита выделение человека из мира животных обусловлено не только способностью к труду, но и «склонностью к обмену» (Смит, 2018. С. 7–8). Иными словами, предполагается

¹ «Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал» (Маркс, Энгельс, Т. 23. С. 660). «Рабочий нищает абсолютно, т. е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить хуже, питаться скуднее, больше недоедать, ютиться по подвалам и чердакам...» (Ленин, Т. 22. С. 221–222).

² Об общественной определенности целей и общественном способе их реализации Аристотель говорит следующее: «Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общине, всякое же общине организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общины стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общине, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общины. Это общине и называется государством или общиной политическим» (Аристотель, 1984. Т. 4. С. 376).

наличие частной собственности уже в первобытном обществе. Напротив, с позиций основоположников исторического материализма склонность к обмену не является конституирующим признаком общественной жизни (см.: Маркс, Энгельс, Т. 21. С. 23–178), и первыми появляются «естественно выросшие», коллективистские формы собственности (см.: Маркс, Энгельс, Т. 46. Ч. 1).

Мы не считаем возможным априори встать на ту или иную точку зрения. Труды экономистов-антропологов, таких как К. Поланьи (Polanyi, 1968), предполагают синтез подходов двух великих представителей классической политической экономии — А. Смита и К. Маркса. Это заставляет нас думать, что эвристический потенциал экономической теории К. Маркса далеко не исчерпан. Фальсифицируемость основных положений этой теории выступает условием ее верификации и предпосылкой дальнейшего творческого развития.

Заключение

Возвращаясь к теме нашего исследования, считаем, что нельзя ограничиваться умозаключениями, предполагающими частичную верификацию, а тем более научную недостоверность экономической теории К. Маркса.

Речь должна идти об интеграции категорий «Капитала» в современное экономическое мышление. Многие придется отбросить, но остается актуальной задача анализа экономических форм реализации общественных целей производства. При этом, на наш взгляд, нуждаются в преодолении элементы «технологического детерминизма», которые прослеживаются в творчестве современных последователей К. Маркса. Нередко то, что у него было ступеньками лестницы, по которой восходят к познанию социально-экономических явлений, становится истиной в последней инстанции. Необходимо более пристальное внимание к процессам институционализации экономической информации в денежных и других финансовых и нефинансовых активах.

По словам известного российского исследователя «Капитала» Р.М. Нуреева, «влияние Маркса на западную экономическую науку оказалось ... более чем скромным» («Капитал» Карла Маркса..., 2019. С. 7). Мы ставили своей целью показать, что экономическая теория К. Маркса, при всей ее сложности, неоднородном восприятии современниками и потемками, имеет научный статус и не должна рассматриваться как тупиковое направление в развитии экономической мысли.

Список источников

- Аристотель*. Соч.: в 4-х т. — М.: Мысль, 1984.
- Афанасьев Вл.* Великое открытие Карла Маркса: Методологическая роль учения о двойственном характере труда. — М.: Мысль, 1980. — 267 с.
- Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют: пер. с англ.; науч. ред. и вступ. ст. В. С. Автономова. — М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. — 416 с.
- Бочко В. С.* Расхождение взглядов К. Маркса и А. И. Герцена на перспективы развития России: значение для современности // Экономика региона. — 2018. — Т. 14. — Вып. 3. — С. 740–757.
- Буторина О. В.* О происхождении монет // Современная Европа. — 2016. — № 3(69). — С. 124–135.
- Вальрас Л.* Элементы чистой политической экономии. — М.: Изограф, 2000. — 448 с.
- Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. — М.: «Мысль», 1974. — 452 с.
- Гегель Г. В. Ф.* Наука логики: в трех томах. — Т. I. — М.: Гл. ред. социально-экономической литературы, 1970. — 471 с.
- Дубянский А. Н.* Государственная теория денег Г. Кнаппа: история и современность // Вопросы экономики. — 2015. — № 3. — С. 109–125.
- Дятел Е. П.* Обоснование диалектики экономического развития в «Капитале» Карла Маркса // Экономика региона. — 2018. — Т. 14. — Вып. 3. — С. 711–724.
- Дятел Е. П.* Системный анализ объекта и предмета в «Капитале» К. Маркса. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. — 224 с.
- Ильенков Э.* Диалектика идеального // Логос. — 2009. — № 1. — С. 6–62.
- История экономических учений: учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. — М.: ИНФРА-М., 2009 — 784 с.
- «Капитал» Карла Маркса: полтора века спустя / под ред. Р. М. Нуреева. — М.: КНОРУС, 2019. — 402 с.
- Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с.
- Кириллов В. И., Старченко А. А.* Логика: учебник для юридических вузов. — Изд. 5-е, перераб. и доп. — М.: Юристъ, 1999. — 256 с.
- Кларк Дж. Б.* Распределение богатства — 209 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://royallib.com> (дата обращения: 30.01.19).
- Коуз Р.* Фирма, рынок и право: пер. с англ. — М.: «Дело ЛТД», 1993. — 192 с.

- Куриц Х. Д. Маркс и «закон стоимости». Критическая оценка по случаю 200-летия со дня рождения // Вопросы экономики. — 2018. — № 11.
- Лавров В. Н., Пономарева С. И. О преподавании марксистской политической экономии: дискуссионные вопросы // Журнал экономической теории. — 2018. — № 4.
- Лавров П. Л. Предисловие редактора // Система логики. — Т. 1 / Дж. С. Милль. — СПб., 1865. — 607 с.
- Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 22; 26; 29.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 1; 3; 16; 20; 21; 23; 26, ч. 1, 2, 3; 31; 46, ч. 1; 49.
- Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии. К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. — М.: Экономика, 1992. — С. 31–242.
- Милль Дж. С. Система логики. — Т. 1. — СПб., 1865. — 607 с.
- Нельсон Р. Р., Уинтер С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений: пер. с англ. — М.: Дело, 2002. — 536 с.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- Нуреев Р. М. Курс микроэкономики: учебник для вузов. — 2-е изд., изм. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. — 561 с.
- Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени: пер. с англ. — СПб.: Алетей, 2014. — 312 с.
- Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы: пер. с англ.; составление, общая редакция и вступ. статья В. Н. Садовского. — М.: «Прогресс», 1983. — 604 с.
- Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. — 1993. — Вып. 1. — С. 10–23.
- Рокмор Т. Дискуссия о понятии идеального у Э. В. Ильенкова // Вопросы философии. — 2015. — № 5. — С. 108–115.
- Саймон Г. А. Теория принятия решений в экономической теории и в науке о поведении // Вехи экономической мысли. Т. 2. Теория фирмы / под ред. В. М. Гальперина. — СПб.: Экономическая школа, 2000. — 534 с.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gumer.info/> (дата обращения: 23.05.18).
- Хубиев К. А., Текеева А. Х. Актуальный контекст экономической теории К. Маркса (к 200-летию со дня рождения) // Вопросы политической экономии. — 2018. — № 4.
- Черешнев В. А., Иваницкий В. П. Карл Маркс — мыслитель и творец будущего // Экономика региона. — 2018. — Т. 14(3). — С. 688–698.
- Humphrey C. Barter and Economic Disintegration // *Man, New Series*. — March 1985. — Vol. 20. — No. 1. — P. 48–72.
- Lancaster K. J. Consumer Demands: A New Approach. — Columbia University Press, 1971.
- Polanyi K. Primitive, Archaic and Modern Economics: Essays of Karl Polanyi. — Garden City, N.Y.: Anchor Books, 1968.
- Walras L. *Éléments d'économie politique pure; ou, théorie de la richesse sociale*. — Lausanne, 1874; 1877.

Информация об авторе

Дятел Евгений Петрович — доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: dyatel1942@mail.ru).

For citation: Dyatel, E. P. (2019). Scientific Criteria and Means of Enhancing the Heuristic Potential of Economic Theory. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 16(3), 513–527

Dyatel E. P.

Scientific Criteria and Means of Enhancing the Heuristic Potential of Economic Theory

The aim of the article is to verify and falsify the basic assumptions of the labour theory of value by K. Marx. This will ensure the delineation of their scientific validity and ways of integration into contemporary economic thinking. The following are the points that require rethinking: two-fold character of labour; its implementation in use and exchange value of goods; economic nature of money; patterns of production and functioning of labour power as a commodity. For example, the natural (and — in this sense — uniform) measure for use values (in units, tons, yards) and labour (cost of labour in physiological sense) cannot be used for verification of the social form of use value and sociality of work. Such a discrepancy between the naturally tangible material basis and the socio-economic form of its implementation can be seen in other basic categories of «Capital». The authorial interpretation of studied concepts is offered. It is concluded that their falsifiability represents a condition of their verification and a prerequisite for the increase of the heuristic potential of Marx's economic theory.

Keywords: K. Marx, K. Popper, economic theory, verification and falsification, scientific status, modern economic thinking

References

Aristotel'. (1984). *Soch.: v 4-kh t [Writings: in 4 vol.]*. Moscow, Russia: Mysl'. (In Russ.)

- Afanas'yev, V. I. (2004). *Velikoye otkrytiye Karla Marksa: Metodologicheskaya rol' ucheniya o dvoystvennom kharaktere truda* [Great discovery of Karl Marx: Methodological role of studies of the two-fold character of labour]. Moscow, Russia: Mysl', 267. (In Russ.)
- Blaug, M. (2004). *Metodologiya ekonomicheskoy nauki, ili Kak ekonomisty obyasnayut* [Methodology of economic science, or How economists explain]. Moscow, Russia: NP "Zhurnal Voprosy ekonomiki", 416. (In Russ.)
- Bochko, V. S. (2018). Raskhozhdeniye vzglyadov K. Marksa i A. I. Gertsena na perspektivy razvitiya Rossii: znachenije dlya sovremennosti [Clash of opinions of K. Marx and A. I. Herzen on the perspective of development of Russia: contemporary significance]. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 14(3), 740–757. (In Russ.)
- Butorina, O. V. (2016). O proiskhozhdenii monet [On the origin of coins]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 3(69), 124–135. (In Russ.)
- Val'ras, L. (2000). *Elementy chistoy politicheskoy ekonomii* [Elements of clean political economy]. Moscow, Russia: Izograf, 448. (In Russ.)
- Gegel', G. V. F. (1974). *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1. Nauka logiki* [Encyclopedia of philosophical sciences. Vol. 1. Science of logic]. Moscow, Russia: "Mysl'", 452. (In Russ.)
- Gegel', G. V. F. (1970). *Nauka logiki. V trekh tomakh. Tom I* [Science of logic. In 3 vol. Vol. 1]. Moscow, Russia: Gl. red. Sotsial'no-ekonomicheskoy literatury, 471. (In Russ.)
- Dubyanskiy, A. N. (2015). Gosudarstvennaya teoriya deneg G. Knappa: istoriya i sovremennost' [The state theory of money of G. Knapp: history and modernity]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 3, 109–125. (In Russ.)
- Dyatel, E. P. (2018). Obosnovaniye dialektiki ekonomicheskogo razvitiya v "Kapitale" Karla Marksa [Rationale for the dialectics of economic development in Karl Marx's "Capital"]. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 14(3), 711–724. (In Russ.)
- Dyatel, E. P. (1987). *Sistemnyy analiz obyekta i predmeta v «Kapitale» K. Marksa* [Systemic analysis of object and subject in K. Marx's "Capital"]. Irkutsk, Russia: Izd-vo Irkut. Un-ta, 224. (In Russ.)
- Il'yenkov, E. (2009). Dialektika ideal'nogo [Dialectics of the ideal]. *Logos* [Logos], 1, 6–62. (In Russ.)
- Avtonomov, V., Anan'in, O., Makasheva, N. (Eds.). (2009). *Istoriya ekonomicheskikh ucheniy: ucheb. posobiye* [History of economic doctrines: textbook]. Moscow, Russia: INFRA-M, 784. (In Russ.)
- Nureyev, R. M. (Ed.). (2019). *"Kapital" Karla Marksa: poltora veka spustya* [Karl Marx's "Capital": one and a half centuries later]. Moscow, Russia: KNORUS, 402. (In Russ.)
- Keyns, Dzh. M. (2007). *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. Iz-brannoye* [The General Theory of Employment, Interest and Money. Selected Works]. Moscow, Russia: Eksmo, 960. (In Russ.)
- Kirillov, V. I., & Starchenko, A. A. (1999). *Logika: Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov* [Logic: Textbook for law schools] (5th ed.). Moscow, Russia: Yurist, 256. (In Russ.)
- Klark, Dzh. B. (n.d.). *Raspredeleeniye bogatstva* [The Distribution of Wealth]. Retrieved January 30, 2019, from <https://royallib.com>. (In Russ.)
- Kouz, R. (1993). *Firma, rynek i pravo* [The Firm, the Market, and the Law]. Moscow, Russia: "Delo LTD", 192. (In Russ.)
- Kurts, Kh. D. (2018). Marks i "zakon stoimosti". Kriticheskaya otsenka po sluchayu 200-letiya so dnya rozhdeniya [Marx and "the law of value". Critical evaluation in celebration of the 200th anniversary of his birth]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 11. (In Russ.)
- Lavrov, V. N., & Ponomareva, S. I. (2018). O prepodavanii marksistskoy politicheskoy ekonomii: diskussionnyye voprosy [On teaching Marxist political economy: debating points]. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 4. (In Russ.)
- Lavrov, P. L. (1865). Predisloviye redaktora [Editor's foreword]. In Dzh. S. Mill', *Sistema logiki* [A System of Logic] (Vol. 1). St. Petersburg, Russia, 607. (In Russ.)
- Lenin, V. I. (n.d.). *Poln. Sobr. Soch.* [Complete works] (Vol. 22, 26, 29). (In Russ.)
- Marks, K., & Engel's, F. (n.d.). *Soch.* [Writings] (2nd ed.; Vol. 1; 3; 16; 20; 21; 23; 26, Parts 1–3; 31; 46, Parts 1, 49). (In Russ.)
- Menger, K. (1992). Osnovaniya politicheskoy ekonomii [Foundations of political economy]. In *Avstriyskaya shkola v politicheskoy ekonomii. K. Menger, E. Bem-Bawerk, F. Vizer* [Austrian school of political economy. C. Menger, E. Böhm-Bawerk, F. Wieser] (pp. 31–242). Moscow, Russia: Ekonomika. (In Russ.)
- Mill', Dzh. S. (1865). *Sistema logiki* [A System of Logic] (Vol. 1). St. Petersburg, Russia, 607. (In Russ.)
- Nel'son, R. R., & Uinter, S. Dzh. (2002). *Evolutsionnaya teoriya ekonomicheskikh izmeneniy* [An Evolutionary Theory of Economic Change]. Moscow, Russia: Delo, 536. (In Russ.)
- Nort, D. (1997). *Instituty, institutsional'nyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow, Russia: Fond ekonomicheskoy knigi "Nachala". (In Russ.)
- Nureyev, R. M. (2011). *Kurs mikroekonomiki: uchebnik dlya vuzov* [Course of microeconomics: textbook for universities] (2nd ed.). Moscow, Russia: Norma: INFRA-M, 561. (In Russ.)
- Polan'i, K. (2014). *Velikaya transformatsiya: Politicheskiye i ekonomicheskkiye istoki nashogo vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time]. St. Petersburg, Russia: Aleteyya, 312. (In Russ.)
- Popper, K. (1983). *Logika i rost nauchnogo znaniya. Izbrannyye raboty* [The Logic of Scientific Discovery. Selected Texts]. Moscow, Russia: "Progress", 604. (In Russ.)
- Robbins, L. (1993). Predmet ekonomicheskoy nauki [The Subject-Matter of Economics]. *THESIS* [THESIS], 1, 10–23.

- Rokmor, T. (2015). Diskussiya o ponyatii ideal'nogo u E. V. Il'yenkova [Discussion on the notion of the ideal by E. V. Ilyenkov]. *Voprosy filosofii [Issues of Philosophy]*, 5, 108–115. (In Russ.)
- Saymon, G. A. (2000). Teoriya prinyatiya resheniy v ekonomicheskoy teorii i v nauke o povedenii [Theory of Decision Making in Economics and Behavioral Science]. In V. M. Gal'perin (Ed.), *Vekhi ekonomicheskoy mysli. T. 2. Teoriya firmy [Landmarks of economic thought. Vol. 2. Theory of firm]*. St. Petersburg, Russia: Ekonomicheskaya shkola, 534. (In Russ.)
- Smit, A. (n.d.). *Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]* (Book 1). Retrieved May 23, 2018, from <http://www.gumer.info/>. (In Russ.)
- Khubiyev, K. A., & Tekeyeva, A. Kh. (2018). Aktual'nyy kontekst ekonomicheskoy teorii K. Marksa (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya) [Topical context of K. Marx's economic theory (in celebration of the 200th anniversary of his birth)]. *Voprosy politicheskoy ekonomii [Issues of political economy]*, 4. (In Russ.)
- Chereshnev, V. A., & Ivanitskiy, V. P. (2018). Karl Marks — myslitel' i tvorets budushchego [Karl Marx — thinker and creator of future]. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 14(3), 688–698. (In Russ.)
- Humphrey, C. (1985, March). Barter and Economic Disintegration. *Man, New Series*, 20(1), 48–72.
- Lancaster, K. J. (1971). *Consumer Demands: A New Approach*. Columbia University Press.
- Polanyi, K. (1968). *Primitive, Archaic and Modern Economics: Essays of Karl Polanyi*. Garden City, N.Y.: Anchor Books.
- Walras, L. (1874; 1877). *Éléments d'économie politique pure; ou, theorie de la richness sociale*. Lausanne.

Author

Evgeny Petrovich Dyatel — Doctor of Economics, Professor at the Department of Political Economy, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: dyatel1942@mail.ru).